

Д. А. КАМЕНСКИЙ

Мое знакомство с Иваном Петровичем

Я очень затрудняюсь в смысле точной даты моего знакомства с Иваном Петровичем, но, кажется, в то время я был еще студентом. Тогда Иван Петрович и его жена Серафима Васильевна жили на Малой Дворянской улице (ныне ул. Мичуринская), где занимали квартиру, а одну комнату сдавали ближайшей подруге Серафимы Васильевны по гимназии — Евдокии Михайловне Прокопович, у которой я бывал и с которой впоследствии обвенчался.

В то время (1881) Иван Петрович уже заведовал физиологической лабораторией терапевтической клиники проф. С. П. Боткина. Лаборатория эта представляла собой простое деревянное здание, стоявшее в садике. Никакой хозяйственной организации там не было, собаки обыкновенно брались бродячие, платили за каждую собаку по рублю или полтиннику. Служителем там тогда был Николай Харитонов. Нужно сказать, что в этой лаборатории из 32 собак, которых Иван Петрович оперировал для эзофаготомии, из-за отсутствия чистоты выжила только одна, а в Институте экспериментальной медицины каждая оперированная для той же цели собака выживала.

Иван Петрович был всегда оживленным, весьма разговорчивым и жестикулирующим. Никогда не видно было на нем и тени грусти, как бы плохо ни жилось ему материально.

Но надо сказать, что, как ни красноречив и находчив был Иван Петрович, брат его Дмитрий Петрович был еще более одаренным в этом отношении, так что в присутствии любимого своего брата Иван Петрович только помалкивал и улыбался. Тот мог занимать своими рассказами самую разнообразную и самую многочисленную публику — такой был весельчак и мастер поговорить. Павлов очень любил своего брата.

После моей женитьбы мы стали сравнительно часто видеться, и, надо сказать, Иван Петрович ко мне хорошо относился, и я всей душой любил его, мне он очень нравился.

Я был при защите Иваном Петровичем его диссертации «Центробежные нервы сердца» (1883). Оппонировал ему проф. И. Р. Тарханов. Когда Павлов говорил о свойстве центробежных нервов, то мне казалось, что Тарханов ему возражал с некоторым пристрастием.

После возвращения Ивана Петровича из-за границы, по его предложению, я стал работать у него в лаборатории при клинике проф. Боткина, хотя был врачом по специальности и не предполагал быть экспериментатором.

В 1890 г. состоялось открытие Института экспериментальной медицины, работа там только начиналась, и штатов еще никаких не было. Нештатным был даже директор Института В. К. Анреп. В тот год был добыт Кохом туберкулин, и на использование и изучение его набросился весь мир. Принц А. П. Ольденбургский, организатор Института экспериментальной медицины, командировал Анрепа в Берлин, обязав получить это средство, и был необычайно рад, когда его привезли из-за границы. Принц Ольденбургский вообще желал, чтобы «его» институт был первым в мире, и радовался тому, что первые исследования туберкулина будут проделаны у «него» в Институте. Заменивший Кох полагал, что при определенных условиях туберкулин может стать верным средством для лечения туберкулеза, особенно кожного. Проверкой этого предположения и занялись в Институте. Перевели в Институт волчаночных больных для лечения туберкулином из Калинкинской больницы. Когда зашла речь о том, кого из врачей пригласить дежурить у туберкулезных больных при лечении их туберкулином, Иван Петрович предложил пригласить меня и В. В. Кудревецкого. В этой проверке, кроме нас, принял участие главный врач Калинкинской больницы, известный специалист д-р Э. Ф. Шперк. Надо напомнить, что после впрыскивания туберкулина у больных повышалась очень сильно температура, до 40° , лицо пылало, наблюдалось значительное учащение дыхания и пульса, состояние больных было очень тяжелым. Сутки или двое длилась эта резкая реакция, а затем лицо становилось красным, вздутым. Через сутки или двое явления эти исчезали, и нам казалось, что туберкулин действительно настоящее хорошее специфическое средство против волчанки. Но Шперк оказался компетентнее нас, он сфотографировал этих больных, когда они были привезены в Институт. Когда через месяц снова сделали снимки, то все увидели, что никакой пользы

от туберкулина нет, и тогда прекратили лечение волчанки туберкулином.

Как уже было сказано выше, определенных штатов в Институте в то время еще не было, да и вообще в то время Институт не представлял собой еще ничего определенного. Были частные совещания у принца Ольденбургского: кандидаты, намеченные руководить отделами, посещали будущий Институт, смотрели, что в нем делается. Одним из кандидатов был и Иван Петрович, в то время уже профессор фармакологии Военно-медицинской академии. Заискивать перед властями он не умел, навязываться не хотел, и вопрос о штатах оставался нерешенным. Проф. В. К. Анреп к тому времени был отстранен от должности директора, и кандидатура проф. В. Я. Данилевского, которого он выдвигал на заведование физиологическим отделом, отпала, и вскоре им стал И. П. Павлов.

Иван Петрович, не без нажима друзей, начал изучать в Институте влияние туберкулина на кровяное давление. Надо сказать, что Иван Петрович был чрезвычайно застенчивым и скромным, и все его близкие знакомые старались сделать все, от них зависящее, чтобы материально обеспечить его возможно лучше. Но Иван Петрович не обнаруживал никакой склонности ни к какой работе, кроме физиологии. Атмосфера вокруг принца Ольденбургского для людей щепетильных не могла быть особенно симпатичной, многие, даже искавшие работу, нелегко мирились с такой обстановкой. Павлов в то время тоже несколько тяготился этим. Он говорил мне, что долго работать в Институте не будет, поправится немножко материальное положение, и он останется только в Военно-медицинской академии. Но затем, когда Павлов убедился, что здесь можно получить все средства для научной работы и сотрудничающие с ним доктора смогут работать, не тратя своих средств на эксперименты, что все им будет предоставлено — и собаки, и корм, а главное, что тут у него будет много сотрудников, — это все и привязало его к Институту.

<1936>

